

УДК 343.1
ББК 67.629.4
У 82

Редакционная коллегия:

Михайлов М. А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Т. В. Омельченко

У-82 **Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации** : материалы Международной научно-практической конференции, 26-27 сентября 2019 года, Мисхор (Большая Ялта) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 126 с.
ISBN 978-5-907198-28-9

Сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции. Анализируются актуальные проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации.

УДК 343.1
ББК 67.629.4

*Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.
Материалы рецензируются оргкомитетом.*

что порождает в коллективе атмосферу вседозволенности и совершение еще более грубых нарушений; попустительство, содействие, непринятие мер к правонарушителям; отказ в регистрации конкурентов заинтересованных лиц, в выдаче им лицензий на право заниматься определенной деятельностью, предоставляющие коррумпированной государственному служащего структуре монопольного права торговли, например, газовым оружием, нефтепродуктами, редкоземельными элементами и т.д.; содействие методам недобросовестной конкуренции на потребительском рынке, выражающееся в юридическом и экономическом подавлении конкурентов лиц, подкупивших должностное лицо.

В процессе совершения преступления и после него преступник, как правило, осуществляет действия по сокрытию преступного события (по мнению следователей, согласно результату их опроса преступники осуществляли действия по сокрытию последствий и самого преступления в 40,7% случаев, а другие участники события – в 38,6%, причем, по мнению осужденных, они применяли приемы сокрытия лишь в 29,5% случаев): уничтожает (полностью или частично) материальные улики – различных материальных следов и других вещественных доказательств; маскирует свои действия, т.е. изменяет представление о способе подготовки или совершения преступления, а также о своей личности или источниках информации; фальсифицирует документы и факты, создает ложную информацию; последовательно сменяет действия или средства в различных местах и в разное время; инсценирует другое преступление;

косвенные участники преступления. Отдельные из перечисленных действий в период основного этапа формирования механизма преступления могут совершать лица, случайно втянутые в преступное событие и не предполагающие, что являются его косвенными участниками. Так, опрос осужденных показал, что им посторонние лица помогали тем или иным образом в 15,2% случаев. Любые действия в рамках основного этапа формирования механизма преступления влияют на окружающую среду, процессы производства, распределения, взаимоотношения людей, их состояния, а также вносят дефекты в различные системы – это, прежде всего, социальные, психические, экономические, технологические или морально-этические. На данном этапе также закономерно происходят материальные изменения объектов взаимодействия. На них запечатлеваются индивидуальные характеристики субъектов (как прямых, так и косвенных) преступного события; сведения о средствах достижения преступного результата; о содержании и способах выполнения маскировочных действий и т.д. Возникшая система изменений дает возможность следователю восстановить составляющие стороны данного этапа формирования механизма совершенного преступления.

3. Завершающий этап характеризуется наступлением преступного результата, возникновением материального и иного ущерба и действиями по сокрытию (в случаях, когда действия по совершению и сокрытию охватываются единым замыслом) не только последствий, но и самого события преступления (в материальных преступлениях), причем действия по совершению преступления и по его сокрытию охватываются единым преступным замыслом. В основном, действия преступников, направлены на распоряжение полученной выгодой, сокрытие

(завуалирование) следов своей криминальной деятельности.

Наступившие последствия преступления характеризуются следующим образом: а) преступник извлек выгоду от результатов преступления; б) произошли внешние или структурные изменения в организации деятельности ведомства (учреждения), технологии производства, в праве на собственность или иные последствия; в) произошли изменения в структуре юридического лица: в системах организации и управления, учета и контроля, в технологических или экономических показателях, в документообороте и бухгалтерском учете и т.д.

На завершающем этапе могут совершаться: уголовно наказуемые действия по сокрытию следов преступления прямыми или косвенными участниками преступного события, могущие быть квалифицированными как самостоятельные преступления, а также по воспрепятствованию его раскрытию и действия по смягчению тяжести преступных последствий; инсценирование другого преступления; укрытие или уничтожение средств преступления; воздействие на потерпевшего и т.д. В отдельных случаях названный этап может отсутствовать, например, в ситуациях, когда преступная деятельность субъекта пресечена или прекращена на предыдущих этапах формирования и реализации механизма преступления. Так, опрос осужденных показал, что преступный замысел был реализован ими только в 56,7% случаев, в 23% случаев – не был реализован.

Таким образом, не только «ядром» коррупционных преступлений в сфере экономической деятельности, но и наиболее распространенными среди них преступлениями являются преступления, составы которых предусмотрены статьями главы 30 УК РФ – преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Росинский Сергей Борисович

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (ЮГЮА)
доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)*

РЕЗУЛЬТАТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 343.141

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможности использования в доказывании сведений, полученных в ходе административной деятельности исполнительной власти.

Автор полагает, что научные подходы к формированию доказательств на базе результатов непроцессуальной деятельности носят искусственный характер и являются ее прикрытием наиболее удобным видом доказательств. В этой связи делается вывод о необходимости легализации механизмов непосредственно введения таких сведений в уголовный процесс без необходимости процессуального оформления.

Ключевые слова: административные мероприятия; доказательства; доказывание; иные документы; непроцессуальная информация; представление доказательств; результаты административной деятельности; результаты оперативно-розыскной деятельности; собирание доказательств; формирование доказательств.

Annotation. The article raises the question of the possibility of using in evidence the information obtained in the course of administrative activities of the executive branch.

The author believes that scientific approaches to the formation of evidence based on the results of non-procedural activities are artificial in nature and are its cover the most convenient type of evidence. In this regard, it is concluded that it is necessary to legalize the mechanisms for directly introducing such information into the criminal process without the need for procedural processing.

Key words: administrative measures; proof of; evidence; other documents; non-procedural information; presentation of evidence; administrative results; results of operational investigative activities; collecting evidence; formation of evidence.

Одной из самых актуальных проблем современной теории и практики собирания (формирования) и дальнейшего использования доказательственной информации по уголовно-нормативному делу является проблема, касающаяся допустимости сведений, полученных вне установленной УПК РФ процессуальной формы (непроцессуальной информации). Указанные вопросы достаточно часто становятся предметом различных научных исследований, вызывая бурные дискуссии. Однако подавляющее большинство существующих на сегодняшний день публикаций связано с освещением лишь одного из видов непроцессуальной информации – результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Различные сведения, полученные оперативно-розыскными подразделениями ФСБ России, МВД России и других «силовых» министерств и ведомств, действительно имеют важнейший, в ряде случаев – просто необходимый, познавательный потенциал, позволяющий установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и, таким образом, обеспечить решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Но такие сведения – это далеко не единственные информационные ресурсы, формируемые вне установленной УПК РФ процессуальной формы и попадающие в распоряжение органов предварительного расследования или суда уже в «готовом» виде. В частности, в современной правоприменительной практике повсеместно встречаются случаи, связанные с использованием в доказывании результатов административной деятельности.

Многие административно-правовые формы и методы реализации исполнительно-распорядительных полномочий субъектов государственного управления (органов исполнительной власти) напрямую связаны с выявлением и раскрытием преступлений, а их результаты в последующем могут иметь значение для соответствующих уголовных дел. Современная следственная и судебная практика просто изобилует подобными случаями. И, тем не менее, ученые-процессуалисты почему-то обычно не замечают данной проблемы; количество публикаций, содержащих фрагментарные намеки на необходимость изучения указанных вопросов можно буквально пересчитать по пальцам [3, С. 83; 7, С. 47, 8, С. 57-63].

Непроработанность данного вопроса на доктринальном уровне обуславливает полное отсутствие каких-либо правовых механизмов, позволяющих ввести результаты непроцессуальной административной деятельности в уголовный процесс с целью последующего придания им доказательственного значения. В части результатов ОРД подобные механизмы, пусть весьма противоречиво, нечетко, но, хоть как-то урегулированы законодательном уровне, а существующие нормативные изъяны несколько нивелируются посредством

выработанной следственной и судебной практики. Тогда как применительно к результатам административной деятельности какого-либо инструментария, позволяющего ввести в уголовное дело соответствующие материалы просто не существует. И поэтому в настоящее время ощущается острая необходимость в формировании теоретической основы и в разработке законодательной базы для создания эффективного механизма использования в процессе доказывания сведений, полученных в ходе реализации административных полномочий исполнительной власти – в режиме правовой аналогии с использованием в доказывании результатов ОРД.

Большинство авторов, посвятивших свои исследования проблематике использования в доказывании результатов ОРД, придерживаются позиции, что такие результаты приставляют собой некий информационный фундамент, на основе которого в дальнейшем могут быть сформированы полноценные доказательства [1, С.24; 2, С. 240; 6, С. 554 и мн. др. работы]. Эта же точка зрения неоднократно высказывалась и в решениях Конституционного Суда РФ.

Тем не менее подобный подход, является надуманным, основанным на красивой научной утопии, оторванной от закономерностей человеческого познания объективной реальности. Его несостоятельность обусловлена следующими обстоятельствами. Так, УПК РФ не устанавливает никаких юридических механизмов, направленных на возможность приобщения представленных материалов непроцессуальной деятельности в качестве доказательств, то есть придания им некоего подобия процессуальной формы. Но если бы подобные механизмы и были предусмотрены (например, как в случае приобщения к делу вещественных доказательств), это никоим образом не повлияло бы на разрешение существующих проблем.

Ведь никакие следственные или судебные действия не способны применить «задним числом» к уже произведенным непроцессуальным мероприятиям установленные УПК РФ правовые гарантии доброкачественности. Никакие процессуальные манипуляции не позволяют «натянуть» на уже сформированные административным путем познавательные результаты процессуальную форму. Говоря аллегорически, уголовный процесс – это не известная сказка Шарля Перро, в которой фея, помахав волшебной палочкой, может превратить Золушку в принцессу, тыкву – в карету, а крысу – в кучера. Тем более, ни должностное лицо органа предварительного расследования, ни судья не в состоянии никакими процессуальными действиями повернуть время вспять и возратить вектор познания на «исходную позицию», чтобы установить заново, «с чистого листа» повторно невоспроизводимые обстоятельства, уже ранее воспринятые субъектами административной деятельности.

Можно сколько угодно рассуждать и теоретизировать о юридической непригодности результатов повторно невоспроизводимых непроцессуальных мероприятий (например, досмотра, изъятия и т.д.), можно даже формально признавать их недопустимыми доказательствами и исключать из материалов уголовного дела. Но сам факт установления субъектами административной деятельности (полицией, налоговыми, таможенными, антимонопольными и иными органами) неких обстоятельств, имеющих значение для последующего

уголовного дела, «выкинуть» из объективной реальности нельзя.

Поэтому, несмотря ни на какие формальные правила (а точнее на их полное отсутствие), практика использования в доказывании сведений, полученных в результате административной деятельности, имеет повсеместное применение, а органы предварительного расследования, прокуратура и суд относятся к ней как к само собой разумеющейся. Причем существующие в настоящее время прикладные технологии сводятся к осуществляемой в порядке служебного делопроизводства технической передаче (своеобразному представлению) соответствующих материалов для приобщения к уголовному делу.

Материалы административной деятельности формируются за пределами уголовно-процессуальных отношений; в уголовное дело они попадают уже в готовом, окончательном виде. Рассматривая аналогичные вопросы применительно к результатам ОРД, М.П. Поляков справедливо пишет, что они (результаты) есть готовые информационные продукты, нуждающиеся не в трансформации, а в интерпретации [4, С. 220]. Таким образом, признание доказательств результатов административной деятельности, осуществляется фактически в режиме правовой аналогии к механизму процессуальной легализации иных документов. Видимо, по указанной причине некоторые авторы находят выход из рассматриваемой проблемы посредством введения непроцессуальных результатов в уголовное судопроизводство как доказательств, предусмотренных ст. 84 УПК РФ [4, С. 99]. Очевидно, что ученые исходят из постулата, что формально иными документами могут быть признаны любые документальные объекты, имеющие отношение к уголовному делу. Кстати, такой же подход прослеживается и в правоприменительной практике.

С подобной точкой зрения и основанными на ней практическими рекомендациями согласиться достаточно сложно. Ведь документы, предусмотренные ст. 84 УПК РФ, выражают сведения, сообщенные не специально уполномоченными субъектами административной деятельности, а какими-то «третьими» лицами: предприятиями, учреждениями, их работниками и т.д. Тогда как материалы административной деятельности формируют сотрудники органов исполнительной власти, пусть не в рамках процессуальных, но достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур.

Таким образом, прикладные технологии формирования доказательств на основании сведений, полученных административным путем, носят искусственный характер. Фактически они являются не более чем прикрытием непроцессуальной информации наиболее удобным видом доказательств, причем без разбора их гносеологической природы и сущности. Подобная практика неизбежно приводит к размыванию граней между различными видами доказательств в уголовном процессе, способствует подмене одних доказательств другими или появлению доказательств, не свойственных для восприятия определенных сведений.

Все вышеизложенные доводы обуславливают только один вывод, отвечающий реальным потребностям правоприменения. Единственно возможный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов административной деятельности заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственно введения в уголовный процесс без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления.

В настоящее время уже давно назрела необходимость исследовать эти вопросы не сквозь «розовые очки с псевдодемократическими линзами», а посмотреть правде в глаза и признать, что все иные способы решения данной проблемы неизбежно обречены на провал. Отвергать возможность прямого использования в доказывании результатов АД абсолютно бессмысленно. Наоборот, ее необходимо узаконить, придать ей более правовой характер.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, какого «джинна» мы хотим «выпустить из бутылки», к каким негативным последствиям могут привести вносимые нами предложения, осознавая возможные риски и потенциальную опасность бесконтрольности и вседозволенности сотрудников различных органов исполнительной власти, сразу поспешим сделать несколько оговорок и «расставить все точки над і».

Во-первых, мы не настаиваем на возможности использования в доказывании любых результатов административной деятельности. Представляется, что таким правовым потенциалом могут обладать только следующие сведения:

- которые не характеризуются свойством воспроизводимости, то есть не могут быть получены повторно процессуальным (следственным или судебным путем). Иными словами, к возможности прямого использования в доказывании результатов административной деятельности должен быть применен тот же подход, на котором основаны установленные ст. 241 и гл. 37 УПК РФ правила судебного исследования доказательств, полученных в ходе предварительного расследования – оглашению подлежат лишь материалы тех процессуальных действий (протоколы, заключения экспертов), воспроизведение которых в судебном заседании невозможно или нецелесообразно;

- которые могут быть проверены и оценены уголовно-процессуальными средствами на предмет относимости, допустимости и достоверности, то есть наличия свойств, предъявляемых ко всем доказательствам по уголовному делу.

И, во-вторых, для использования в процессе доказывания по уголовным делам соответствующих результатов сами административные мероприятия познавательной направленности должны быть возведены в такой правовой режим, который по уровню гарантий правовой доброкачественности не уступал бы уголовно-процессуальной форме. Осознавая возможную критику данной позиции со стороны оппонентов, считающих что при подобной новации грань между уголовным процессом и административной деятельностью, исчезнет, и последняя превратится в еще одно квазирасследование, еще раз поспешим оговориться. Мы вовсе не ратуем за полную аналогию процессуального режима следственных действий и соответствующих им по способу познания оперативно-розыскных мероприятий. Мы лишь настаиваем на соразмерности общего уровня процессуальных гарантий доброкачественности, которые вполне могут различаться с учетом различного назначения и условий осуществления оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Кстати, для справедливости, следует отметить, что в настоящее время для некоторых административных мероприятий установлена такая правовая форма, которая вообще мало чем отличается от формы близких им по содержанию следственных или иных процессуальных

действий. Например, процедура предусмотренного личного досмотра (ст. 27.7 КоАП РФ) практически тождественна личному обыску; процедура «налогового» или «антимонопольного» осмотра (ст. 92 Налогового кодекса, ст. 25.3 Закона «О защите конкуренции») – осмотру следственному и т.д. По крайней мере в части предоставляемых гарантий правой доброкачественности все эти административные мероприятия никакой ущербностью по сравнению с соответствующими следственными действиями явно не обладают.

И в завершении следует обратить внимание, что прямое использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов административной деятельности возможно лишь в совокупности с иными доказательствами, собранными (сформированными) посредством правового арсенала, находящегося в ведении органов предварительного расследования и суда.

Список использованных источников:

1. Астафьев Ю.В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск: БГУЭП, 2014.

2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Проспект, 2009.

3. Палий В.М. Проблемы уголовно-процессуальной адаптации результатов, полученных в ходе производства по административным правонарушениям. // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства: сборник научных статей преподавателей, аспирантов (адъюнктов), соискателей и студентов. / Под ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар, Кубанский госуниверситет, 2010.

4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.

5. Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. – Екатеринбург: УрГЮА, 2006.

6. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: Инфра-М, 2006.

7. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008.

8. Шейфер С.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. – 1997. – № 9.

Самитов Эльдар Оскарович

*Российский государственный университет правосудия
Казанский филиал
кандидат юридических наук
(Казань, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОПОЗНАНИЯ ТРУПОВ ПРИ МАССОВЫХ КАТАСТРОФАХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

УДК 340.6

Аннотация. Стихийные бедствия, катастрофы, насильственные и корыстно-насильственные преступления оказывают дестабилизирующее и дезорганизующее воздействие на общество. Сотрудники органов внутренних дел должны обладать базовыми знаниями о методах идентификации неопознанных трупов, так как, зачастую, являются первыми официальными лицами, оказавшимися в зоне бедствия. Далеко несовершенны методы идентификации личности граждан, погибших при подобных чрезвычайных ситуациях. Проблема идентификации личности является важной и первостепенной в условиях нарастания количества массовых катастроф. Катастрофа – это внезапно возникающее событие с

несчастными трагическими последствиями в результате человеческого фактора или опасного природного явления, которое способствует возникновению человеческих жертв.

Ключевые слова: следственные действия; идентификация трупов; криминалистически значимая информация; массовые катастрофы.

Annotation. Natural disasters, catastrophes, violent and mercenary-violent crimes have a destabilizing and disorganizing effect on society. Police officers should have basic knowledge of methods for identifying unidentified corpses, as they are often the first officials to be in the disaster area. The methods of identification of citizens who died in such emergency situations are far from perfect. The problem of personal identification is important and paramount in the face of increasing numbers of mass disasters. A catastrophe is a sudden event with unfortunate tragic consequences as a result of anthropogenic impact or a dangerous natural phenomenon, resulting in numerous casualties.

Key words: investigative actions; identification of corpses; forensic information; mass disasters.

Проблема идентификации личности является важной и первостепенной в условиях нарастания количества массовых катастроф. Катастрофа – это внезапно возникающее событие с несчастными трагическими последствиями в результате антропогенного воздействия или опасного природного явления, которая приводит к колоссальным человеческим жертвам [1,2,7].

Стихийные бедствия, катастрофы, насильственные и корыстно-насильственные преступления оказывают дестабилизирующее и негативное воздействие на общество. Сотрудники органов внутренних дел должны обладать базовыми знаниями о методах идентификации неопознанных трупов, так как, зачастую, являются первыми официальными лицами, оказавшимися в зоне бедствия [1,4,7].

В настоящее время далеко несовершенны методы идентификации личности граждан, погибших при подобных чрезвычайных ситуациях [7]. При этом выполнить опознание объекта, соблюдая только процессуальную сторону данного следственного действия не достаточно, так как нормы уголовно-процессуального кодекса носят обязательный характер и имеют общие положения производства данного следственного действия.

Следственная ситуация может складываться самым разнообразным способом, это зависит от многих факторов имеющих как процессуальную, так и непроцессуальную сторону, поэтому произвести предъявление для опознания не нарушая принципы уголовного судопроизводства во многом зависит от того как организован процесс проведения данного следственного действия, что и изучает криминалистическая тактика производства отдельных следственных действий.

Из вышесказанного следует актуальность данного исследования, так как результаты данного следственного действия являются основным источником доказательств и от того как правильно был поставлен процесс проведения данного следственного действия, во многом зависит допустимость полученных доказательств. А это в свою очередь предопределяет практическую сторону изучения выбранной темы, так как криминалистическая тактика производства предъявления для опознания, как один из элементов всей криминалистической тактики в первую очередь, систему практических рекомендаций по организации и планированию данного следственного действия и определению оптимальной линии поведения лиц, осуществляющих расследование.